

Виктор Николаев

Полотенце

Сказ о том, как монастырский козёл кренделя выкидывал

Стылая осенняя ночь. Сырая раздрызганная дорога из-за непрестанно моросящего дождя всё больше и больше утомляла водительский взгляд отца Ферапонта. Двое суток, проведённых в областном центре, мало что дали. Из всего задуманного выполнена только половина намеченных дел, да и те не окончательно, а с прицелом на будущее.

Грустные размышления, слабый свет фар старенького «Москвича» — всё это сплелось в одну невесёлую мысль. В общем-то, отец Ферапонт и не ждал от поездки многого, хотя бы решить основной вопрос: где найти более-менее приличную замену основательно изношенному монастырскому четырёхколёснику.

Его монашеская жизнь при хозяйственной должности почти вся проходила в дороге, за рулём. А от такой напряжённой суеты вконец истрёпанный «Москвич» последнее время, кроме частых выходов из строя, ничего больше не приносил. Причём перед каждой поломкой он грустно предупреждал хозяина простуженным кашлем из выхлопной трубы, словно виновато просил прощения за свою старческую немощь.

Тускло светили фары, вызывающе петляла мокрая дорога. Внезапно невесёлые мысли отца Ферапонта прервал зазвонивший колокольным набатом телефон. Сбивчивый взволнованный голос послушника моментально привёл священника в рабочее состояние.

— Отец Ферапонт! — почти кричал звонивший. — Здесь на подворье нам благодетели подарили козла! Такой хороший, крепкий, прям залобуешься!.. — «Козла»?! — именно так воспринял это сообщение монах.

— Да, да, козла, — повторял послушник.

Отец Ферапонт воспрял, повеселел. Вот это действительно нечаянная радость! И до чего же вовремя!

— А «козёл»-то действительно нормальный? На ходу?

— О-о-о! Ещё какой! Он буквально рвёт из-под себя! — веселился послушник. — Приедете — увидите сами.

Встрепенувшийся отец Ферапонт уже видел себя на этом «уазике», а в простонародье — «козле».

Сразу невольно стал составлять планы на завтра и другие дни. Душа пела, дорога стала ровнее, свет фар ярче, даже старичок-«Москвич» помолодел: и ему пришла подмога.

Подъехав к монастырю, отец Ферапонт выскочил из машины и буквально побежал на хоздвор, чтобы оценить щедрый дар благодетелей.

— Где «козёл», где?! — первое, что спросил он у братии, еле сдерживая радостное волнение. — Вот!

Пауза от увиденного длилась не то минуту, не то век. Реакция монаха, как бы это поделикатнее сказать, была сдержанная. На бытовом языке это называется «мысли про себя». Над монастырём стояла звенящая тишина. Её не рисковали нарушить даже местные дворовые собаки.

Щедрый подарок — взрослый козёл с нахальными глазами — задиристо рассматривал окруживших его людей. Рогатого в новом коллективе не смущало и не пугало абсолютно ничего.

Оказывается, его днём не столько привёл, сколько притащил в монастырь один мужик и умолял забрать принадлежавшую ему скотину на любых условиях. Даже даром.

Свой поступок хозяин объяснял обрывистыми фразами и дрожащим голосом, суть которого была следующая: молодой козёл не признаёт никакой власти, вытворяет, зараза, что хочет. Возможно, мужик расценивал монастырь как последнюю и единственную инстанцию для исправления этого нахала.

Присутствующие на необычных смотринах приходили в себя довольно быстро. Видимо, этому способствовал монастырский дух. Отец Ферапонт молчаливо рассматривал щедрый подарок благодетеля, братия вежливо и беззвучно вторила ему. Повиливали хвостами дворняги, тихо поскуливая, не рискуя раньше времени переходить на привычный лай.

А вот козёл... Козёл был явно недоволен тем, что недовольны были им. Он рассчитывал как минимум на восхищение, а тут... Рогатый, судя по всему, совершенно не понимал, почему при произношении его родного, весьма уважаемого, как ему казалось, слова «козёл» сейчас имелось в виду нечто иное и на лицах людей виделось нескрываемое разочарование.

Лишённый возможности говорить человеческим языком, он старался как мог это компенсировать языком жестов. Отчего бородатый гневно подпрыгивал сразу на четырёх ногах, бил землю копытом, сокрушительно мотал головой, звонко блял, словно вопя: «Люди! Одумайтесь! Всмотритесь внимательно! Настоящий, подлинный, натуральный козёл—это Я!..»

Не помогало. Судя по досадному разочарованию на лице монаха и недовольному козлиному пофыркиванию, каждая из сторон осталась при своём мнении.

Размеренно текла монастырская жизнь. Молитвы, послушания, службы... Отец Ферапонт ежедневно трясся на своём стареньком «Москвиче», да и сам «москвиченок» своими частыми хлопками старался больше успокаивать монаха, чем жаловаться на свою нелёгкую автомобильную долю. В общем, всё шло своим чередом.

Вот только новый житель с трудом вписывался в монастырскую обстановку. Придя с воли и будучи во всех отношениях своевольным, он своё козлино-рогатое «Я» пытался показать везде, где ни попадя. Драчливый, заносчивый, ехидный, он оказался ещё и весьма обидчивым. Новосёл был случайно пойман на одной необычной для него страсти. Рогатый очень любил... сладкое. Одна из паломниц была так растрогана внешним видом мохнатого пижона, что угостила его почему-то конфетами, и он среди всех выбрал почему-то трюфели. Долго и с удовольствием чавкал ими и по-цыгански просил ещё. С этой минуты забияка получил прозвище Трюфель.

Сытая и степенная монастырская жизнь пусть очень медленно, но всё-таки начинала сглаживать хулиганские наклонности Трюфеля. Были замечены и другие странные желания рогатого в еде. Настоящий козлий десерт—капуста—Трюфеля, как ни странно, особо не интересовал. Хотя похрустеть иногда сочными листьями он был не против. Больше всего поперешный козёл был склонен к морковке, яблокам и особенно к тому, что бы ещё такого натворить.

В монастыре уже начали уставать в поисках средств смирения бесплатного подарка. И вот надо же! На рогатого непослушника однажды поразительное влияние оказали две собачки-дворняжки—Жень и Шень.

Она была Жень, он—Шень. Собачки бегали только парой, и порознь их никогда не видели. Кто автором таких имён и что было причиной такого мудрёного для деревни названия, уже не вспомнить. Возможно, этому косвенно способствовал их цвет: Жень больше светленькая, Шень—на тон темнее. Они тявкали в унисон. Жень начинала, Шень завершал тенором и, волнуясь, смотрел в глаза подружке: «Ну как?» Она виляла хвостиком, что означало: «Весьма неплохо».

Знакомство собачек с Трюфелем произошло при необычных обстоятельствах.

Трюфеля, как и всё небольшое монастырское стадо, выводил на пастбище свой послушник-пастушок. И то ли он некрепко привязал козла, то ли тот сам не стерпел такого плена, но Трюфель умудрился высвободиться и сбежать в деревню. Сбежать-то сбежал, но, не зная дороги домой, козёл заблудился. Таким непривычно растерянным его нашли Жень и Шень у магазина. Видя горькое отчаяние рогатого, у Жень защемило пусть собачье, но всё же женское сердце, и она совершила естественный, почти материнский, поступок: взяла грустного Трюфеля зубками за висющую на шее верёвочку и привела в монастырь под одобрительное потягивание Шеня.

Молодой рогатый холостяк на дармовых монастырских харчах быстро прибавлял в весе, заметно отставая при этом в смирении и послушании. Гордыня по-прежнему буквально скакала впереди него, и однажды козлиное высокомерие завершилось величайшим конфузом, о котором братия помнит по сей день.

В воскресенье в монастырь приехали паломники на дорожной машине. Трюфель, как не последняя здесь фигура, решил придирчиво осмотреть прибывших. Хозяева авто ушли, а он, обойдя серебристый джип, случайно устался в дверь машины и буквально остоленел. На него нахально пялил глаза... соперник! Ну, это было уж слишком! Такого конкурента Трюфель вынести не мог. Отскочив на несколько шагов назад, он совершил стремительный рывок вперёд и со всего разгону долбанул рогами в дверцу иномарки! Зеркальный соперник исчез мгновенно.

Победное козлиное бляение длилось недолго: автосигнализация быстро определила подозреваемого.

Суд над поломщиком частной собственности шёл второй час. На вопрос, стыдно ему или нет и до коих пор такое поведение будет продолжаться, привязанный к столбу позора Трюфель демонстративно молчал. На фоне его систематического хулиганства вся шаловливая животина монастыря выглядела едва ли не образцом воспитания.

Внезапно самый точный и простой совет дал пожилой монах:

—Наказание—оно, конечно, дело нужное, но вот лучше бы подружку ему, созрел он для неё, вот и бузует...

Через несколько дней в монастыре поселилась козочка Роза.

А тот отремонтированный джип месяц спустя хозяин подарил монастырю. Как-то и у него наладились свои дела в бизнесе, даже после такого конфуза с Трюфелем. А может, потому что он принял этот случай со смирением.

Кстати, подаренный автомобиль отец Феррапонт назвал «Козлом».

В общем, слава Богу за всё!

Май 1915

Полотенце

Отца Игнатия перевели служить с Северного Казахстана на юг не то чтобы внезапно, как это бывает, но с определённой в таких случаях неожиданностью. Приказали: «Убыть!» Ответил: «Есть!»—и убыл. Убыл из Павлодарской области в город Есик, что в переводе на русский означает «дверь»—евангельское наименование. «Аз емь дверь овцам!»

Новое место—новые заботы. Так как всё было новое, то и обыкновенный вопрос в таких случаях становится непростым и не сразу разрешимым. Порой пустяковый, штатный оказывается сложным и нештатным.

Вот и сейчас вдруг оказалось, что нет вина на причастие. Несколько бутылок ещё осталось, но так как приход большой, то его хватит на две-три литургии. В церкви всегда стоит вопрос о приобретении вина, а тут только прибыл, принял служение—и нá тебе...

Подсказали знающие отцы: хорошее вино производится в Чимкентской области. Туда, за семьсот километров, отец Игнатий и отправился. Взял с собой отца Артемия—всё-таки дорога длинная, всякое может быть.

Выехали в понедельник ранним утром, ещё до восхода солнца. Дорогой с удовольствием беседовали на духовные и мирские житейские темы. Разговор сложился сразу, всё шло легко и ладно. Семьсот километров за хорошей беседой—как семьсот минут: где помолчишь, где продолжишь, а то и вовсе остановишься, выйдешь, потянешься, присядешь, попьёшь чайку. В Казахстане толк в чаях знают, да и не только в чаях.

Но разговор разговором, пусть и при хорошей дороге, а душа всё равно в родном приходе. Голова занята бытовыми оргделами: от свечей до кирпичей.

К вечеру добрались до места назначения, в Чимкент, в епархию. Отец Игнатий, как лицо ответственное, всё рассчитал по часам: приехать, закупить, чуть отдохнуть и убыть.

Пунктуальность задуманного основательно перечеркнул секретарь владыки:

— Вина нет, и будет только к концу недели.

Никакие «а если», «а мы издалека» в расчёт не принимались.

Ждать целых четыре дня! Господи помилуй! Ну и ну... Ноги в Чимкенте, сердце и мысли умчались в Есик. К тому же бесконечные тревожные звонки из храма: нужно то, это... благословите сделать это... а где лежат те вещи?... А тут ещё гости из другого города. Да ещё какие! Отец Игнатий по телефону

с другого конца страны полчася размещал их на приличнейший ночлег, да и наказывал, чем временно занять гостей до его приезда.

Только было успокоился—очередной звонок, как контрольный выстрел: прибыл автовоз из Германии с автомобилем, который подарили православные немцы. Значит, надо быть на таможене. «Всё. Завтра с утра уеду!»—решил батюшка.

Вечер коротали в обществе игумена Вениамина. Его мама преподаёт русский язык в семинарии. Она сестра актёра, сыгравшего главную роль в фильме «Сердце Бонивура». Их великодушное гостеприимство заметно успокоило и стёрло мучительные раздумья. Воспитанная, доброжелательная семья—чем не родственные души? Хорошим рассказчиком проявил себя отец Артемий. Не случайно его, как-то засветившегося в Москве после проповеди, патриарх Алексий назвал казахстанским Златоустом и одарил просфорой. Тема беседы была весьма многогранная, но бремя забот нет-нет да и раскальвало разум отцу Игнатию, а тревога не давала сосредоточиться. Вдобавок ко всему жалобно и горемычно, словно железом по стеклу, скрипело директорское кресло под величественно-философской позой игумена Вениамина.

Наконец отец Игнатий не выдержал: — Позвольте, отче, смазать ваше пятиколёсное кресло?

Имея технарские навыки, отец Игнатий ловко разобрал основание кресла, смазал маслом детали и втулки, при этом изрядно испачкал руки чёрным мазутом от старой засохшей смазки, отчего сразу стал похож на профессионального нефтяника, награждённого первым выбросом из земных недр чёрного золота.

Машинально слушающий возвышенный монолог о духовности и культуре, отец Игнатий обречённо озирался по сторонам в поисках хоть какой-нибудь тряпки или ветоши для своих почти по локоть испачканных рук. Прервать разговор двух увлечённых беседой отцов он не решался, но и скатерть марать—тоже не лучший вариант.

Так и сидел грустный нефтёмонах в глубоких раздумьях о жизни: о нерастаможенной машине из Германии, о том, где коротать ещё три дня, о крайне нужном вине, о гостях и о том, что обратно—целых семьсот километров. О Боже! Милостив буди мне, грешному!

В момент наивысшего душевного напряжения и уныния во дворе вдруг звякнул звонок. Вошёл сторож:

— Отче, там никого нет, но в почтовый ящик кто-то кинул вот это вафельное полотенце...

По виду оно было таким, что отец Игнатий сразу выпалил:

— Это мне передали!

И стал тщательно вытирать им руки. Когда монах почти заканчивал вытирание, у него внезапно

случилось озарение, просветлела душа, он словно ощутил, что это реальная Божья забота: «Видишь, Я даже о руках твоих забочусь, а ты о делах своих простых в глубокой печали...»

Удивительно, но в течение нескольких минут отец Игнатий совсем успокоился, даже повеселел. Мысль, что всё в руках Божьих, действительно выровняла его душевное состояние. Все четыре дня

он помогал по епархиальному хозяйству, решил немало простых, но нужных дел. К пятнице привезли больше, чем просил, хорошего вина, а секретарь за терпение щедро отблагодарил, преподнеся в подарок большое количество икон. Случилось и другое. Его друзья быстро растаможили машину, вовремя уехали гости, а отец Игнатий, ко всему прочему, прекрасно отдохнул и укрепился в вере.